
ЗАКАДЫЧНЫЕ ДРУЗЬЯ: НАЦИОНАЛИЗМ И РЕАЛИЗМ

перевод Ивана Селиванова

ДЖОН МИРШАЙМЕР

SPUTNIKIPOGROM.COM

Закадычные друзья: национализм и реализм

Национализм не является ключевым компонентом любой теории реализма. Тем не менее, большинство реалистов, по-видимому, считают, что национализм является особенно мощной силой в международной политике. Эдуард Харлет Карр (E.H. Carr) и Джек Снайдер (Jack Snyder), к примеру, каждый написали целые книги на эту тему, а Барри Роузен (Barry Rosen) и Стивен Ван Ивера (Stephen Van Evera) опубликовали важные статьи о национализме¹. Роберт Пейп (Robert Pape) утверждает, что национализм является ключевым моментом для понимания причин суицидального терроризма². Как Ганс Моргентау (Hans Morgenthau), так и Уолтер Липпман (Walter Lippman) подчёркивали важность азиатского национализма по сравнению с коммунизмом, выступая против участия США во Вьетнамской войне³. Кроме того, многие реалисты, выступавшие против вторжения в Ирак в марте 2003 года, утверждали, что иракский национализм сможет помешать США одержать быструю и решительную победу.

Кажется ясным, что между национализмом и реализмом должно быть некое родство, даже если национализм не является ключевой переменной в теории реализма. Задачей данной работы является изучение связи между этими двумя «-измами».

Как известно каждому студенту, изучающему международную политику, существуют многочисленные теории национализма и реализма. Не существует, к примеру, двух реалистов с одинаковым видением внутреннего механизма системы международной политики. Тем не менее, существуют определённые обязательные черты мировой политики, которые включают в себя практически все теории реализма. То же справедливо и по отношению к национализму. Меня не заботит исследование различий между разнообразными теориями в тех или иных источниках, или обоснование каждой отдельной теории национализма или реализма. Моя цель состоит в том, чтобы сфокусироваться на важных чертах национализма и реализма, являющихся общими для основы обеих теорий. Фокусирование на совпадающих характеристиках этих двух «-измов» позволяет мне говорить о национализме и реализме так, как если бы эти теории были единой. Разумеется, они не являются таковой, но для моих целей это не столь важно.

Переходя от теории к практике, практически нет сомнений, что национализм — это феномен реального мира. Стало банальным говорить о национализме, как о мощной силе из повседневной жизни, которая формирует политику как внутри государств, так и между ними. Тем не менее, реализм — это не феномен реального мира, подобно национализму. Наоборот, реализм — термин, предназначенный для научной школы, целью которой является объяснить, как государства взаимодействуют друг с другом. Феномен реального мира, который реалисты видят в действии и пытаются объяснить — это силовая политика. И именно они заявляют, что государства обычно

действуют в соответствии с теорией реализма, т.е. соревнуются друг с другом за власть. Другими словами, реалисты считают, что международные отношения являются в хорошем смысле политикой силы в действии.

Следовательно, когда я выхожу за пределы теоретической дискуссии о том, как национализм и реализм связаны друг с другом, и фокусируюсь на событиях из реального мира, то я буду использовать немного другую терминологию и говорить вместо этого о связях между национализмом и силовой политикой. Поскольку теория реализма имеет целью объяснить лишь последнее, тем не менее, следует понимать, что я всё ещё исследую связь между реализмом и национализмом.

Я предлагаю три группы доказательств. Во-первых, я пытаюсь показать, что между национализмом и реализмом существуют важные сходства на фундаментальном уровне. Обе теории являются партикулярными, а не универсальными, и каждая отдаёт особое преимущество двум ключевым понятиям: государству и выживанию. Чтобы проиллюстрировать сходство между национализмом и реализмом, я противопоставляю их либерализму и марксизму.

Во-вторых, я пытаюсь показать, что национализм и силовая политика на самом деле — взаимосвязанные феномены, влияющие друг на друга различными способами, и это взаимодействие сыграло важную роль в создании современного государственного строя.

В-третьих, я пытаюсь объяснить, как национализм оказал огромное влияние на различные аспекты международной политики, являющиеся главными для деятельности реалистов. В частности, я объясню, как национализм влияет на баланс сил, ведение войны, вероятность войны, и на вероятность того, что государства, находящиеся под угрозой, будут объединяться против своих противников, а не присоединяться к ним.

ОБЩИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ

Национализм и реализм являются партикулярными теориями на самом базовом уровне. Они обе предполагают, что ведущими акторами в мире являются автономные единицы, которые само собой разумеется, взаимодействуют между собой. В виду того, что эти взаимодействия могут быть как выгодными, так и опасными, единицы пристально следят за тем, как поведение других единиц влияет на их собственные интересы. Каждая единица имеет свои права наряду с обязанностями преследовать свои собственные интересы, даже если это происходит ценой интересов других единиц. Приоритет своего собственного благополучия иногда приводит единицы к попытке нанести ущерб или даже уничтожить другие единицы.

Несмотря на эгоистичное поведение, единицы не враждебны друг к другу во всех отношениях, и, определённо, они не находятся в постоянном состоянии войны. Они даже иногда сотрудничают друг с другом. Тем не менее, каждая единица знает, что всегда есть вероятность, что другая единица будет ей угрожать. Из-за постоянно присутствующей вероятности конфликта, единицы беспокоятся о своём выживании, даже если непосредственная угроза отсутствует. Конечно же, выживание не является единственной целью единиц, но оно обязано быть их высшей целью, по очевидной причине: если единица не выживает, она не может достигать других целей. И реалисты, и большая часть теоретиков национализма также считают, что единицы могут сделать лишь немного для того, чтобы изменить этот мир или выйти за его рамки.

Ключевым объектом анализа в реализме выступает государство, являющееся наиболее мощным политическим институтом в мире. Напротив, в национализме главным объектом анализа выступает нация. Нации, несомненно, являются политическими субъектами, но они должны действовать через особые политические институты, чтобы приобретать и использовать власть. Главным институтом для наций является государство, потому что оно столь могущественно по сравнению с другими политическими институтами. Более того, их выживание неразрывно связано с государством, и поэтому каждая нация предпочтёт иметь собственное национальное государство. Одним словом, государство является фундаментально значимым как для национализма, так и для реализма. Обе теории считают государство самой важной политической силой на планете.

Партикулярные теории, такие как национализм и реализм резко отличаются от универсальных. Семейство последних, включающее в себя как либерализм, так и марксизм, предполагает, что независимые единицы, населяющие мир, должны быть серьёзно обеспокоены благополучием других единиц и не ставить свои интересы выше интересов других. Иными словами, единицы в первую очередь должны действовать таким образом, как если

бы они были составной частью большего сообщества, а не акторами, движимыми собственными интересами, и максимально увеличивающими свою полезность.

Реализм

Прежде всего, реалисты предполагают, что государства являются главными политическими акторами на мировой сцене. Они уделяют большую долю своего внимания великим державам, так как эти государства оказывают наибольшее влияние на события, происходящие в мировой политике. Реалисты также подчёркивают, что государства функционируют подобно анархической системе, но это не означает, что система характеризуется хаосом или беспорядком. Анархия — это просто принцип упорядочения; это означает, что не существует централизованного управления или судьи высшей инстанции, стоящего над государствами. Противоположностью анархии является иерархия, являющаяся принципом упорядочения внутренней политики⁴.

Реалисты считают, что власть — это валюта международной политики, и что государства конкурируют друг с другом за власть. Государства, иными словами, уделяют особое внимание балансу сил. Они не только стараются получить власть над другими государствами, но также следят за тем, чтобы ни одно другое государство не нарушало резко политическое равновесие в свою пользу. Реалисты считают, что война является законным инструментом искусства управления государством; они солидарны со знаменитым утверждением Клаузевица, что война есть продолжение политики, только иными средствами⁵. В таком мире государства испытывают постоянную опасность того, что неприятель нападёт на них и будет угрожать их выживанию в чрезвычайных обстоятельствах.

Среди реалистов есть существенные разногласия по вопросу почему государства хотят власти. В понимании структурных реалистов государства стремятся к власти, так как структура или системная архитектура не оставляет им иного выбора. В частности, в системе, где нет вышестоящего органа, занимающего положение над великими державами, и где нет гарантии, что одно государство не нападёт на другое, для каждого государства имеет смысл быть достаточно мощным, чтобы иметь возможность защитить себя в случае атаки. По сути, великие державы заключены в железную клетку, где у них практически не остаётся иного выбора, кроме как соревноваться с другими государствами за власть, если они надеются выжить. По сценарию структурных реалистов, власть — это основное средство обеспечения выживания, которое в свою очередь является важнейшей целью всех государств в этой системе.

С другой стороны, для представителей классического реализма, человеческая природа является главной причиной, по которой государства хо-

тят обрести власть. Такие реалисты считают власть самоцелью. Ганс Моргентау (Hans Morgenthau), например, утверждает, что практически каждый человек был рождён со стремлением к власти, «запрограммированным» в нём, что фактически означает, что великими державами руководят личности, исполненные решимости заставить своё государство доминировать над другими⁶. Тем не менее, выживание играет заметную роль и в этой версии реализма, так как государства действуют в мире, наполненном агрессивными и потенциально опасными соседями, и у них нет иного выбора, кроме как постоянно беспокоиться о собственном выживании, даже если их высшей целью является получение еще большей власти для самих себя.

Для реалистов международное сообщество не играет важной роли. По существу, это ораторский приём, используемый мировыми державами, чтобы продемонстрировать свою заботу об интересах общества в то время как сами преследуют собственные узкие интересы, и к которому обращаются слабые государства, когда другие средства исчерпаны. Печально, но факт — международная политика всегда была беспощадным и опасным занятием и, скорее всего, таковым и останется.

Хотя реализм тесно отождествлялся с государственным строем приблизительно в течение последних четырёх веков, стоит отметить, что базовая логика реалистов может быть использована для объяснения международной политики в эпоху античности, равно как и в средние века. Всё-таки Фукидид, который по праву считается отцом реализма, написал свою историю Пелопонесской войны задолго до начала XVI века, когда в Европе начали появляться первые государства⁷. А Маркус Фишер (Markus Fischer) показал, как реализм может объяснить многие аспекты политики между различными политическими образованиями, которыми была наполнена Европа в средние века, задолго до того, как в этом регионе появился государственный строй⁸. Собственно, Томас Гоббс (Thomas Hobbes) в своем сочинении «Левиафан» показывает, что базовая логика реализма применима к индивидам в их естественном состоянии⁹. Ключевой причиной такой преемственности для последователей структурного реализма является то, что структура международной системы всегда была анархичной, и следовательно, всегда присутствовала вероятность того, что по меньшей мере одна единица нападет на другую и будет угрожать её выживанию. Для классических реалистов, это постоянство вызвано тем, что с течением времени человеческая натура мало изменилась. Резюме: реализм — это теория, неподвластная времени.

Национализм

Национализм в своей простейшей форме основывается на убеждении, что мир поделён на множество отличающихся друг от друга наций, и каждой из этих наций хотелось бы иметь своё собственное государство. Это не говорит о том, что каждая национальная группа может иметь собственное

государство, а лишь о том, что это цель почти каждой нации. Концепция национального государства в кратком виде отражает то, чем является национализм. Но чем на самом деле является нация, и в чем притягательность быть связанным с современным государством?

Нация — это большое сообщество людей, имеющих общую культуру. Члены этой группы не только чувствуют, что у них много общего в их повседневной жизни, но они также считают, что между ними есть прочная связь. Нация — это «воображаемое сообщество», в том смысле, что ни один человек не знает всех остальных его членов. Вообще, нет людей, которые бы знали многих своих соотечественников, но он или она явно отождествляет себя с ними и имеет определённую привязанность к ним, так как все они принадлежат к одной нации. Это не исключает того, что индивиды могут иметь иные особенности и привязанности. Действительно, все индивиды имеют множественную идентичность. Но национальная идентичность особенно сильна и перевешивает другие в большинстве случаев.

Невозможно сделать общий вывод о том, какие объективные черты определяют нацию, так как это варьируется от случая к случаю. Это определённо не этническая или расовая принадлежность, а также не язык и не религия. В тех рамках, в которых мы можем обобщать, нация — это группа людей с мощным чувством, что они — часть общего культурного поля, основанного на двух ключевых факторах: общей истории, богатой выдающимися личностями и событиями, а также коллективных символах и обычаях, повсеместно проникающих в их повседневную жизнь. Естественно, они хотят жить вместе, чтобы продолжить жить этими национальными традициями и «укреплять общее наследие»¹⁰. У них общая судьба. По этой причине их сильно заботит, чтобы в грядущих поколениях была воплощена эта же коллективная идентичность и готовность поддерживать её.

Люди не только чувствуют сильную гордость за свою нацию, но они обычно считают, что она превосходит другие нации. Считается, что своя собственная нация уникальна и особенна в самом положительном смысле, и, следовательно, заслуживает права быть выше других национальных групп. Взгляды немецкого националиста Иоганна Фихте (Johann Fichte) иллюстрируют эту точку зрения: «Только немец... может быть патриотом; лишь он один способен для блага нации охватить всё человечество; впредь по сравнению с ним патриотизм любой другой нации будет эгоистичен, ограничен и враждебен для остального человечества»¹¹. Не удивительно, что некоторые нации — включая Соединённые Штаты — видят себя «богоизбранным народом».

Чтобы доказать свою исключительность, нации постоянно должны изобретать героические истории про себя. Как замечает Стивен Ван Эвера (Stephen Van Evera), «Шовинистское мифотворчество является отличительным признаком национализма, в какой-то мере практикуемого всеми националистами».

ческими движениями». Эти мифы, говорит он, «делятся на три основных типа: самопрославление, самореабилитация и очернение других»¹². Конечно, эти мифы напрямую связаны с пониманием нацией своей истории, и поэтому Ренан (Renan) сказал, что «историческая неточность является неотъемлемой чертой процесса создания нации»¹³.

Тем не менее, нации не всегда питают отвращение друг к другу, а иногда они вполне неплохо уживаются. Но это не всегда так, и есть много примеров, когда скорее доброжелательные националисты превращались в последователей уродливого гипернационализма — убеждения, что другие нации или национальные государства хуже и представляют опасность, и, следовательно, с ними необходимо действовать жёстко. В этих случаях, презрение и отвращение к «иным» становится в порядке вещей. Трансформация такого рода случилась на Балканах в 90-ые годы прошлого века. Хорваты, сербы и мусульмане [албанцы], которые жили в Югославии в относительной гармонии друг с другом в период между 1945 и 1990 годами были поглощены гипернационализмом в связи с распадом страны вследствие холодной войны.

Принимая во внимание значение, которое они уделяют собственной уникальной культурной идентичности, нации серьёзно заинтересованы в контроле своей политической судьбы. Они жаждут самоопределения, а это означает, что практически каждый член нации считает, что обладает правом и долгом принимать участие в политическом процессе. На практике это означает, что нации хотят обладать собственным государством, чего не всегда возможно достичь. В начале восемнадцатого столетия, до того, как нации появились на сцене, Европу наполняли династические государства, которые не были тесно связаны с людьми, живущими в их границах. Большинство людей, к примеру, не чувствовали сильной привязанности к государству и, определённо, они слабо влияли на его политику. Тем не менее, этот мир начал исчезать после Великой французской революции (1789), когда французская нация, расцветшая в ходе восемнадцатого столетия, была прочно связана с французским государством, образовав мощное национальное французское государство¹⁴.

Спустя еще сто лет или около того, другие европейские государства пережили схожее преобразование. Результатом этого мощнейшего изменения стало то, что суверенитет был более не связан с правящими элитами или короной; вместо этого он принадлежал людям этой нации. Томас Пейн (Thomas Paine) кратко коснулся этого момента в своем труде «Права человека» (1791): "Нация является основным источником всего суверенитета"¹⁵. Появление народовластия означало, что широкая общественность не только ожидала получить влияние на политику, но также испытывало сильное чувство преданности государству, которое было неразрывно соединено с их нацией. На практике это означало, что большая часть людей теперь будет стремиться сражаться и умирать за свою страну — то, о чём нельзя было и подумать в

эпоху династических государств, где правители опирались на наёмников и «преступников, бродяг и бедняков» из их собственных обществ, чтобы вести войну для них¹⁶.

Нации, конечно, имеют веский повод для беспокойства о своём выживании в мире, где национальные государства иногда угрожают друг другу, и где гипернационализм является обычным явлением. Тем не менее, они также заботятся о выживании, когда у них нет собственного национально-го государства, так как всегда есть шанс, что более могущественная нация в их собственной стране может напасть на них и, вероятно, попытаться их уничтожить. Но даже если этого и не происходит, существует реальная опасность того, что доминирующая нация выхолостит их культуру, поглотив ее. Эта проблема будет обсуждаться более детально ниже, но здесь достаточно отметить, что выживание имеет решающее значение для наций, независимо от того имеют они собственное государство или нет.

Либерализм

Хотя между современными теоретиками либерализма имеются серьёзные разногласия по вопросу существования глубинной идейной части, с которой соглашается большинство из них, и что имеет непосредственное отношение к предыдущей дискуссии¹⁷. Начать следует с того, что либералы относятся к государству, как к важнейшему актору на мировой сцене и признают, что над государствами не существует вышестоящего органа, способного осуществлять надзор и контроль за их поведением. Либералы, подобно реалистам, соглашаются с тем фактом, что государства функционируют в анархической системе. Но, в отличие от реалистов, либералы выделяют разные типы государств. Существенные отличия присутствуют между либеральными государствами, мирными и хорошими, и нелиберальными государствами, которые создают проблемы.

Либералы естественным образом склонны распространить либерализм по всему земному шару, в конечном итоге создав мир, где будут одни лишь либеральные государства. Эти государства, по словам либералов, будут немного отличаться друг от друга чем-то более существенным, нежели своими размерами, и это будет не столь важно. Другими словами, все либеральные государства, в конечном итоге равны, что отражено в акценте, который делают либералы на точке зрения о существовании «суверенного равенства государств»¹⁸. И эти либеральные государства не просто равны; они являются также частью сплочённого сообщества государств. Просто поразительно, как часто слово «сообщество» употребляется в либеральном дискурсе. В добавок к часто используемому термину «международное сообщество», часто можно услышать отсылку к атлантическому сообществу, европейскому сообществу, и о сообществах в области безопасности в общем. Когда Вудро Вильсон (Woodrow Wilson) говорил о власти, — слово, редко используемое либералами, — он вел речь о «сообществе власти»¹⁹. Либералы также

используют схожие фразы, как, например, «международное сообщество» и «коллективная безопасность».

Из этой риторики очевидно, что либерализм (по крайней мере, его современная форма) является универсальным по своим взглядам. Или, если высказать это несколько иными словами, это транснациональная теория, непартикулярная, подобно национализму или реализму. Это было отмечено Бертраном Расселом (Bertrand Russell) в размышлениях в конце его жизни о том, как его собственные мысли эволюционировали со временем: «Я вырос ярким приверженцем оптимистичного либерализма. Я и надеялся, и ожидал увидеть по всему миру постепенное распространение парламентской демократии, личных свобод, и освобождения тех стран, которые в то время были под властью Европы, включая Британию. Я надеялся, что со временем каждый поймёт мудрость доводов Кобдена (Cobden) о свободной торговле, и что национализм может постепенно стать преходящим увлечением, и обратиться во всеобщий гуманизм»²⁰.

Движущей силой этого универсализма является уважение прав личности, находящееся в самой основе либерализма. В отличие от национализма и реализма, которые подчиняют индивида группе или государству, для либерализма индивид является основной единицей. И всем индивидам — независимо от того, в какой стране они живут — предоставлен единый свод прав, которые, безусловно, универсальны при их реализации. Националист, напротив, всегда будет относиться к члену своей группы по-другому, нежели к кому-то из другой группы. «Другой» просто не обладает теми же правами, что люди из его нации. Либералы отвергают эту концепцию исключительной приверженности, и вместо этого подчёркивают, что права человека равно принадлежат людям со всех концов света. В итоге, мир, заполненный либеральными государствами является сообществом, и каждый в нём заслуживает равного отношения, особенно когда речь заходит о правах личности.

Из этой дискуссии должно быть ясно, что хотя в либеральной теории и есть место государству, в либерализме (в отличие от национализма или реализма) нет убеждённости в том, чем должно являться государство. Иными словами, для либералов суверенитет не является оберегаемой нормой, как для националистов или реалистов. В либеральном мире границы между государствами — нежёсткие и проницаемые, так как права распространяются за их пределы, что не только означает, что люди в разных государствах в целом имеют немало общего, но также, что либеральные государства имеют право и обязанность вмешиваться в дела нелиберальных государств, если они нарушают базовые права своих граждан. Другими словами, в либеральном мире нормы прав человека берут верх над суверенной нормой²¹.

Выживание не вызывает серьёзной озабоченности государств, действующих в либеральном мире, в основном по причине того, что угроза войны снята с повестки дня. «Конституционные демократические общества, — го-

ворит Джон Ролз (John Rawls), — не вступают в войну друг с другом. . . так как у них нет повода вступать в войну друг с другом»²². В значительной степени эта благоприятная ситуация наблюдается вследствие того, что между либеральными государствами редко существуют острые и фундаментальные разногласия, потому как у них одинаковое отношение к правам личности, и они расценивают друг друга как часть большего сообщества. Следовательно, у государств изначально присутствуют добрые намерения друг к другу, и это критически важное обстоятельство общепризнано.

Безусловно, разногласия возникают, но либеральные государства постоянно разбираются со своими различиями мирными, а не военными методами. Либеральный мир сосредотачивается на международных нормах, международных институтах и разрешении конфликтов, а не на балансе сил. Тут определённо нет места высказыванию Клаузевица, что война есть продолжение политики, только иными средствами. Как отмечает Джон Айкенберри (John Ikenberry), «в кругах либерального интернационализма ходит оптимистичное предположение, что государства могут побороть скованность и начать сотрудничать, решать вопросы безопасности, заниматься совместными действиями и создать открытую, стабильную систему»²³. В таком мире государствам практически не придется беспокоиться о своём выживании.

Марксизм

Марксизм, подобно либерализму, предлагает взглянуть на политику с универсалистской точки зрения. Джон Грей (John Gray) хорошо отметил этот момент: «Обе эти просвещённые идеологии с нетерпением ждали наступления универсальной цивилизации»²⁴. Анализ классов является движущей силой универсализма Маркса. В частности, он и его последователи утверждают, что социальные классы, являющиеся ключевым объектом анализа для понимания политики, в конечном счёте выйдут за пределы групп и государственных границ. Что более важно, они говорят, что между рабочим классом в различных странах имеется крепкая связь, между всеми, кого эксплуатирует капиталистический класс в своих странах. Такой ход мысли объясняет почему некоторые марксисты считали, что в 1914 году, когда началась Первая мировая война, рабочий класс (или пролетариат) разных европейских стран не поднимет оружия друг на друга. Вместо этого, рабочие всего мира объединятся в оппозицию против военных действий и откажутся сражаться.

Марксисты уделяют особое внимание государству, но, принимая во внимание транснациональную природу социальных классов, государства вряд ли являются чем-то неизменным для них. Тем не менее, что более важно, ожидается, что государство «отомрёт» с течением времени, по мере того, как пролетариат восторжествует над своими противниками и, в конце концов,

создаст бесклассовое общество. Тем не менее, государства остаются критически важными акторами, пока капиталистический класс влиятелен, и они продолжают участвовать в жестоких конфликтах, а это значит, что они будут беспокоиться о своём выживании. Но как только пролетариат одержит свою решающую победу, и полностью уничтожит все классовые конфликты, государство отомрёт, то по большей части потому, что политический конфликт будет убран из системы и, следовательно, не будет нужды в государстве. Всё-таки, основная цель государства в марксистской теории — подавление одного класса другим, но эта проблема неактуальна в бесклассовом обществе. Ленин выразил это так: «Только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять»²⁵. Выживание, очевидно, не будет серьёзной проблемой в этом мире, в котором политике будет мало места. По существу, марксизм, подобно либерализму (но в отличие от национализма и реализма), относится к прогрессу человечества оптимистично.

Резюме: национализм и реализм являются партикулярными теориями, обладающими явным сходством друг с другом и малым сходством с либерализмом и марксизмом, являющихся универсальными теориями по своей сути²⁶.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

В пятнадцатом веке в Европе не существовало государств. Вместо этого регион был заполнен множеством видов организационных форм, включая империи, города-государства, баронства, княжества, городские федерации и различные виды религиозных организаций. Европу, по словам Чарльза Тилли (Charles Tilly), можно было охарактеризовать как «регион фрагментарных суверенитетов»²⁷. За пределами Европы государств также не существовало.

Первые государства — Англия, Франция и Испания — начали принимать свои очертания около 1500 года, и на протяжении последующих 300 лет династическое государство являлось главной политической силой в Европе. После 1800 года династическое государство уступило место государству национальному, и эта политическая структура в итоге распространилась по всему земному шару²⁸. Современная международная система практически без исключения состоит из национальных государств. Как отмечает Дэвид Армитедж (David Armitage): «Величайшим политическим событием во всемирной истории за последние 500 лет является возникновение мира государств из мира империй. Этот факт — больше, чем распространение демократии, больше, чем национализм, больше, чем язык прав, и даже больше, чем глобализация — коренным образом определяет политическую вселенную, которую мы населяем»²⁹.

Что отвечает за столь выдающееся превращение из настолько неоднородной мировой системы, существовавшей на протяжении пяти столетий, в столь однородную? Хотя многие факторы способствовали этому мощному сдвигу, национализм и силовая политика были двумя важнейшими движущими силами, взаимодействовавшими друг с другом множеством способов, с целью способствовать созданию современного государственного строя. В частности, их связывает акцент на государстве и выживании, способствовавший распространению национальных государств.

Лучший способ понять эту связь — начать с объяснения того, как озабоченность выживанием, царящая в самом сердце силовой политики, помогла создать государства и распространить этот политический строй по всему миру. Затем я покажу, как схожее беспокойство о своём выживании подтолкнуло нации к желанию иметь собственное национальное государство для защиты. И, следуя базовой логике реализма, нации хотят обладать мощным государством, чтобы увеличить свои шансы на выживание в долгосрочной перспективе.

Как силовая политика способствовала созданию государственного строя

До появления государств, разнообразные политические образования, заполнявшие Европу были заняты практически непрерывными силовыми состязаниями, что иногда приводило к войне. Когда в конце пятнадцатого столетия в Европе стали появляться государства, у них не оставалось иного выбора, кроме как присоединиться к драке. Конечно, все политические единицы в Европе серьёзно были озабочены вопросом своего выживания в беспощадном окружении, в котором всегда присутствовала постоянная опасность быть стертым с карты. Возможность остаться в живых в этом опасном мире в основном зависела от успеха на поле боя, где (что неудивительно) господствовали, скорее, самые мощные игроки. Хорошо известно повествование Чарльза Тилли (Charles Tilly) о том, как государство доказало, что превосходит все другие организационные формы в наращивании военной мощи и выигрывании войн³⁰. Военные успехи в основном зависят от наличия средств для финансирования армии и флота, а также достаточного количества людей, для создания относительно крупных вооружённых сил. Конечно, эти ресурсы надо извлечь из населения, что при прочих равных условиях означает, что предпочтительнее иметь большое, нежели малое население. Государство превосходило остальных конкурентов по извлечению ресурсов из местного населения для их последующего преобразования в военную мощь. Именно поэтому, в конце концов, государство обогнало всех своих конкурентов в Европе, в основном потому, что они не были способны наращивать боевую мощь, чтобы соперничать на поле боя. Иначе говоря, выживание стало зависеть от возможности иметь государство.

Эта простейшая идея проходит красной нитью через «Государя» Макиавелли. В начале XV столетия, когда Макиавелли писал свой известный трактат, объединённого итальянского государства ещё не существовало. Между тем, Аппенинский полуостров был усеян малыми городами-государствами, которые сражались между собой и часто становились жертвой французской или австрийской агрессии. «Каждый ощущает, — пишет он, — как смердит господство варваров». Италия, по его мнению, находилась в состоянии «рабства и позора». Согласно его рассуждениям, корень проблемы заключался в раздробленности Италии: «ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная — не сможет отстоять город»³¹.

Макиавелли понимал, что лучший способ решения этой проблемы — выйти за границы итальянской системы городов-государств и создать единое итальянское государство, которое будет способно противостоять соседним государствам, Австрии и Франции, и удерживать их на расстоянии. Жесткие и откровенные советы, которые он даёт некоему будущему итальянско-

му государю, главным образом направлены на то, чтобы помочь ему объединить Италию и «избавить ее от жестокости и насилия варваров»³². Конечно, этого так и не случилось до середины девятнадцатого столетия. По существу, Макиавелли понимал, что итальянцам придётся подражать своим более крупным и мощным соседям, если они хотят выжить.

Период творчества Макиавелли пришелся на время появления династических государств в Европе. Пока ранняя версия государства была искусна в извлечении ресурсов из населения, то его лояльность к государству на деле была низкой. Суверенитет был прочно связан с короной. Людовик XIV лучше всего отразил это явление словами: «Государство — это я». Ситуация радикальным образом изменилась после Великой французской революции (1789), когда Франция превратилась в первое европейское национальное государство. Появление национализма во Франции означало, что многие из людей, населявших Францию, внезапно почувствовали, что сильно преданы французскому государству, и захотели сражаться и умирать за него. Фактически, национализм был мощным фактором повышения эффективности, позволившим революционной и наполеоновской Франции создать необыкновенно большую массовую армию, захватившую большую часть Европы. И действительно, чтобы окончательно победить Францию, у которой все годы войны не было великих держав в союзниках, у шести разных коалиций великих держав ушло в общей сложности 23 года (1792-1815)³³.

Другие европейские государства в конечном итоге пришли к пониманию, что если они надеются выжить на европейской «арене для петушиных боев», у них практически не остается иного выбора, кроме как скопировать Францию и превратиться в национальные государства. Действия Пруссии во время Наполеоновских войн являются наглядным свидетельством того, как происходит это явление. Армия Наполеона окончательно разбила прусскую армию в битве при Йене и Ауэрштедте в октябре 1806 года. Правители Пруссии страшились национализма, но они осознали, что их единственной надеждой выбраться из под наполеоновского ига было скопировать французскую модель и использовать национализм, чтобы сделать свою армию намного более мощной силой. Они предприняли необходимые для этого шаги и впоследствии сыграли ключевую роль в деле добивания армий Наполеона (между 1813 и 1815 годом), а также помощи в прекращении его правления³⁴.

Фактически, к началу двадцатого столетия, каждое государство в Европе являлось национальным. Суверенитет больше не был связан с короной, теперь он принадлежал людям³⁵. В итоге, логика силовой политики с её акцентом на выживание, сыграла ключевую роль и помогла династическому государству одержать верх над многочисленными конкурентами в Европе нового времени, и затем помогла национальному государству вывести династическое государство из игры.

Почему нации хотят иметь собственное государство

Давайте теперь подумаем о той роли, которую сыграли нации в создании современного государственного строя. Нации хотят иметь собственное государство, так как это лучший способ увеличить свои шансы на выживание в мире наций, соревнующихся между собой. Конечно, не любая нация сможет обладать собственным государством, и нации не обязательно обречены на исчезновение, если у них нет своего государства. Как отмечает Юли Тамир (Yael Tamir), «Право на самоопределение может быть реализовано множеством разных способов: культурные автономии, региональные автономии, федерации и конфедерации»³⁶. Но даже она признаёт, что «Несомненно, национальное государство может обеспечить максимально широкую степень национальной автономии, и предоставить максимальный спектр возможностей, обеспечивающих жизнь нации»³⁷. Таким образом, нации продвигаются с самого низа наверх с одной целью — создать государство, в котором они будут иметь влияние и которым они смогут править.

Нации беспокоятся о своём выживании по трём причинам. Первая связана с навязчивой природой современного государства. Династическое государство слабо вмешивалось в повседневную жизнь людей, живших в его границах. В основном оно собирало налоги и присматривало себе относительно небольшое количество молодых людей, способных служить в армии. Во всех остальных случаях людей оставляли самих по себе, и они жили в рамках своей собственной культуры, которая была весьма разнообразной. Но эта ситуация радикально изменилась в девятнадцатом столетии, по мере того, как государство всё глубже проникало в повседневную жизнь горожан. Важно понимать, что государства разработали мощные средства по гомогенизации людей, проживающих на территории государств в единую культуру с общим языком и общей историей³⁸.

Как отмечает Эрнест Геллнер (Ernest Gellner) в своей классической работе «Нации и национализм», этот толчок к ассимиляции всех и каждого в общую культуру имел важное экономическое значение в промышленную эпоху. В конечном итоге, наличие работников и начальников, говорящих на одном языке и разделяющих одни и те же традиции, значительно увеличивает экономическую эффективность. Также очень важно иметь образованных работников, что означает, что государству нужно создавать крупномасштабную систему государственных школ. «Монополия на законное образование, — пишет Геллнер, — сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие»³⁹. Естественно, этот акцент на государственном школьном образовании поднимает спорный вопрос: историческую версию какой нации будут преподавать в школах?

Более того, как указывает Барри Поузен (Barry Posen), «любой довод, который можно привести для экономического эффекта грамотности и общей культуры, как минимум возможно приспособить для военного предна-

значения, особенно во время массовой войны»⁴⁰. Существует масса доказательств, подтверждающих, что образованные солдаты существенно превосходят необразованных, а солдат, говорящих на одном языке и разделяющих общие традиции, само собой, намного проще объединить в эффективные вооруженные силы, чем солдат с разной культурой, говорящих на разных языках. Если говорить коротко – как и с экономической, так и с военной точки зрения полезно иметь хорошо образованное население с общей культурой⁴¹.

Импульс гомогенизации культуры, являющийся синонимом нацбилдинга, потенциально представляет смертельную опасность для любой группы национального меньшинства в многонациональном государстве, просто потому, что большинство скорее всего будет контролировать процесс ассимиляции и поспособствует чтобы его язык и традиции определяли новую общую культуру. С другой стороны, культура меньшинств скорее всего будет отеснена, и, возможно, даже исчезнет во время этого процесса. Как подчёркивает Уолкер Коннор (Walker Connor), государства, занимающиеся построением нации, неизбежно заняты и разрушением наций, и никто не хочет, чтобы их нация была уничтожена⁴². Лучший способ для любой национальной культуры избежать такого исхода событий – иметь собственное государство. Конечно, именно эта простейшая логика определяет почему за последние два столетия распалось так много многонациональных государств.

Вторая причина, по которой национальные меньшинства беспокоятся о своём выживании – это опасность гибели в гражданской войне. Хорошим примером является геноцид хуту в отношении тутси в Руанде весной 1994 года. Смертоносная кампания против меньшинства могла быть проведена по любой причине из многих. Например, она могла быть вызвана возмущением по отношению к меньшинству из-за его непропорционально большого влияния в экономике. Или к меньшинству могут отнести, как к пятой колонне, как это произошло с армянами в Турции во время Первой мировой войны⁴³. Следовательно, безопаснее иметь собственное государство, нежели испытывать проблемы с соотношением сил в беспокойном многонациональном государстве.

Наконец, выживание наций было вопросом особой важности для подданных в эпоху империализма⁴⁴. Действительно, этот страх сыграл ключевую роль в распространении современной системы государственного строя по Европе. Между началом шестнадцатого и серединой двадцатого столетия империи великих европейских держав покрывали большую часть земного шара. Местные жители, являющиеся подданными этих широко раскинувшихся империй, сталкивались со смертельной угрозой их культуре, которая могла быть подавлена мощной имперской культурой. Лучшим способом справиться с этой угрозой и получить право на самоопределение было восстание и отрыв от империи, а также создание собственного государства в ходе этого процесса. Вот что происходило на протяжении всего двадцатого столетия.

И это объясняет не только почему над всеми европейскими империями зашло солнце, но также и почему во всех частях света сегодня присутствуют национальные государства.

Почему нации хотят иметь сильные государства

Как только у нации появляется собственное государство, она неизменно желает, чтобы это национальное государство было как можно более сильным для увеличения шансов на выживание в неразберихе международной политики. Это как «Введение в реализм», но с небольшой уловкой. Тогда как реализм фокусируется на выживании государства, которое с этой точки зрения является чёрным ящиком, то в данном случае, акцент уделяется выживанию национального государства. А точнее, целью является защита не только государства, но и нации, которая поддерживает его. По существу, простейшая логика реализма не только стимулирует силовую политику, но также оказывает существенное влияние на национализм.

Мой вывод заключается в том, что система национальных государств, по большей части, является продуктом взаимодействия национализма и силовой политики, которые высоко ставят приоритет государства и заботятся о своем выживании.

НАЦИОНАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

У национализма и реализма есть иной аспект, сближающий их. Возникновение национализма, мощной силы, действующей на протяжении последних двух столетий, оказало значимый эффект на аспекты международной политики, которые являются вопросами первостепенного значения в интеллектуальной повестке дня реализма.

Баланс сил

Как было подчёркнуто, национализм позволяет государствам создавать большие и мощные армии. Это означает, что он обладает потенциальной возможностью серьёзно изменить баланс сил. Эти изменения в распределении власти между государствами могут, в свою очередь, повлиять на то, кто выигрывает или проигрывает войну. Они также могут повлиять на вероятность того, что какое-либо государство будет способно сдержать или принудить соперничающее государство к чему-либо.

По причине того, что национализм создаёт сильную связь между людьми и их государством, политическим лидерам становится относительно просто призывать своих граждан служить в армии и непрерывно предоставлять

государству ресурсы. Само собой, многие люди захотят пойти на серьёзные жертвы, а в случае крайней необходимости— даже высшие жертвы. Это означает, что национальные государства могут набирать большие армии и содержать их в течение длительного периода, даже если они и вовлечены в смертоносные битвы. Например, ни у одной великой державы во время Первой мировой войны не перевелись солдаты. Каждый год в течение этого смертельного конфликта правительства по заведённому порядку заменяли своих павших воинов свежим пополнением из пригодных к службе юношей.

Тем не менее, национализм означает не только простое увеличение численности войск страны. Это также значит, что солдаты, моряки и летчики, скорее, будут более верны своему государству, и будут сильнее желать сражаться и умирать за него. Во времена династических государств, дезертирство представляло проблему для военачальников, как перед битвами, так и во время. Основной причиной этой проблемы являлось то, что большая часть сил, многие из которых являлись наёмниками, едва ли были хоть как-то преданы стране, во имя которой они сражались, и, как можно понять, не хотели погибать в бою. Но когда на сцене появился национализм, дезертирство стало намного меньшей проблемой, так как теперь войска желали подвергнуть себя опасности, чтобы защитить свою страну. Наполеон подметил это изменение следующими словами: «Каждый, кто ценит свою жизнь более, чем честь нации и уважение своих товарищей, не может быть частью французской армии»⁴⁵.

Эффект национализма на исход войны наиболее велик когда одна сторона использует его, чтобы создать мощные войска, а другая — нет. Как было отмечено, Франция обратила национализм себе на пользу после Великой революции (1789) и создала самую мощную армию в Европе того времени. Клаузевиц, офицер прусских войск, сражавшийся против французской армии, писал, что после того, как Наполеон провёл в ней незначительные изменения «эта сокрушительная военная машина, опирающиеся на мощь всего народа, прошла всю Европу, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надёжно, что там, где им противостояли одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникала даже тень сомнения в исходе борьбы»⁴⁶.

Другим случаем, в котором национализм стал преимуществом одной стороны над другой, была война 1948 года между Израилем и его арабскими противниками. Фактически, этот конфликт состоял из двух различных войн: 1) гражданской войны между сионистами и палестинцами, начавшейся 29 ноября 1947 года (дата решения ООН о принятии плана о разделе Палестины) и продолжавшейся до 14 мая 1948 года, когда Израиль провозгласил свою независимость; 2) международной войны между Израилем и пятью арабскими армиями, начавшейся 15 мая 1948 года и продолжавшейся до 7 января 1949 года. В то время в Британском мандате Палестины было около

650 000 евреев и приблизительно 1,3 миллиона палестинцев, что означало, что сионистов было меньше, чем палестинцев почти в два раза⁴⁷. В окружающих Израиль арабских странах, принявших участие в войне было приблизительно 30 миллионов человек. Это означает, что их было больше, чем евреев примерно в соотношении 46 к 1⁴⁸.

Вооружённые силы сионистов не только численно превосходили палестинских оппонентов, но в дополнение они серьёзно превосходили их качественно и были намного лучше организованы⁴⁹. Без каких-либо помех сионисты легко нанесли сокрушительное поражение палестинцам в первой половине 1948 года. То же самое произошло с соотношением сил между израильской армией и пятью арабскими армиями, с которыми она вела войну во второй половине 1948 года. Действительно, израильская армия не только была намного больше, чем все пять арабских армий вместе, но была намного лучше тренирована и организована, чем все они. Если быть точнее, в конечном итоге Израиль мобилизовал 13,5 % своего населения в ходе войны 1938 года, в то время как никто из арабских противников не смог мобилизовать больше 0,5 % своего населения⁵⁰. Неудивительно, что Израиль без затруднений победил и в международной войне.

Главной причиной такой удачи Израиля стал национализм. Сионисты, прибывшие в Израиль в первой половине двадцатого столетия были весьма ревностными националистами, которые не только приняли решение создать еврейское государство, но также были готовы принести ему колоссальные жертвы. Естественно, лидеры сионистов много работали над тем созданием институтов, в конечном итоге способствовавших основанию этого государства, попутно поощряя ещё более радикальный национализм среди населения. Как отметил Бенни Моррис (Benny Morris), «К концу 40-ых ищув [собирает название еврейского населения Эрец-Исраэль (Палестины)], возможно был одним из наиболее политически сознательных, идейных и хорошо организованных сообществ во всём мире». И «этот весьма продвинутый национальный центр, — как замечает Керин Фрайман (Keren Fraiman), — содействовал появлению и поддержке "людей с оружием"»⁵¹.

С другой стороны, в арабском мире национализм был слабой силой, лишь начинающей наращивать мощь. Следовательно, у врагов Израиля связь между государством и широкими народными массами была слабой, что препятствовало созданию крупных и эффективных вооружённых сил. Фрайман, Рашид Халиди и Моррис — все они подчёркивают, что одной из главных причин разгрома палестинцев в 1948 году стало слабое чувство национального единства и почти полное отсутствие соответствующих национальных институтов. Халиди, например, пишет: «У палестинцев всё ещё не было ни рабочих институтов национального уровня, ни центрального аппарата непризнанного государства, ни серьёзного финансового аппарата, ни единой военной силы»⁵². Как отмечает Моррис, «Контраст с сионистским сообще-

ством был очень заметным»⁵³. Чувство национального единства в пяти арабских странах, воевавших с Израилем только лишь начинало развиваться, что сильно ограничивало их возможности для получения ресурсов и создания вооруженных сил внушительных размеров. Если принять во внимание эти обстоятельства, Израиль был обречен на победу, отчетливо демонстрируя, что национализм может быть серьёзным фактором повышения боевых возможностей с потенциалом нарушить баланс сил и повлиять на исход войны.

Ведение войны

Национализм оказывает мощный эффект на ведение войн и на то, какую форму они принимают. В частности, войны между современными национальными государствами имеют склонность превращаться в то, что часто называют тотальной или абсолютной войной, в которой каждая сторона не согласится ни на что меньшее, кроме решительной победы над своим противником. Принимая во внимание этот порыв к увеличению масштабов войны, сложно вести их ограниченными силами и с ограниченными целями. В конце XVIII века, до того как на европейской сцене появился национализм, практически все великие державы были ограничены в масштабах и способах ведения войн.

Но как понял Клаузевиц из личного опыта, этот мир перевернулся с ног на голову во время Великой французской революции и Наполеоновских войн. «Можно было бы усомниться, — пишет он, — в том, что наше представление об абсолютном ее существовании имеет какую-либо реальность, если бы мы не наблюдали как раз в наши дни действительную войну в ее абсолютном совершенстве». Его классическая работа «О войне» фактически является попыткой «обобщением идей новейшей абсолютной войны с ее всесокрушающей мощью»⁵⁴. И действительно, известное изречение Клаузевица, что война есть продолжение политики другими средствами, частично предназначалось для случая, когда гражданским правителям необходимо приложить большие усилия, чтобы ограничить войны, когда это достаточно выгодно с политической точки зрения, в то же время отдавая должное естественной способности войны в эпоху национализма вырасти до её абсолютной формы⁵⁵.

Современные войны часто обостряются, так как национальные армии обычно являются большими и обладают заметной стойкостью. Это означает, что они хорошо подготовлены к ведению тотальной войны. Следовательно, когда массовые армии сталкиваются друг с другом, результатом, цитируя Клаузевица, является «насилие, как первоначальный свой элемент, ненависть и вражда»⁵⁶. Этот вид враждебности практически гарантирует, что каждая сторона будет настолько разъярена другой, что потребует окончательной победы, и не станет довольствоваться ограниченной.

Это явление усугубляется тем фактом, что правительства обычно должны мотивировать своих граждан приносить великие жертвы для победы в этих войнах. Что важнее, существенное количество граждан нужно убедить пойти на службу в армию и, вероятно, умереть за свою страну. Одним из способов, которым лидеры стран побуждают своих людей сражаться в новейших войнах является изображение противника воплощением зла и смертельной угрозой в придачу. Однако, такой способ практически устраняет возможность вести переговоры и война не может завершиться как-либо иначе кроме как абсолютной победой. В конце концов, как кто-то может договариваться с противником, который считается воплощением дьявола? Намного разумнее использовать любую возможность, чтобы уничтожить оппонента. Конечно, обе стороны неизменно приходят к такому выводу, что убивает любую надежду на урегулирование конфликта посредством компромисса.

Причины войны

Национализм также ощутимо оказывает влияние на вероятность войны, хотя никто не может просто сказать, что он делает войну более или менее вероятной. Вообще, это палка о двух концах. Ясно, что в целом национализм оказывает умиротворяющий эффект на международную политику. Тем не менее, нет сомнений, что есть обстоятельства, при которых политические разногласия между разными нациями являются причиной сильной враждебности, которая иногда приводит к войне.

Национализм снижает вероятность войны двумя важными способами. Во-первых, так как национализм делает войну еще более губительной, приближая её к абсолютной форме, он делает её менее вероятной. Причина проста: государства вряд ли начнут войну, которая, по их соображениям, дорого им обойдётся. Вот почему ядерное оружие является самым мощным сдерживающим фактором; сложно представить победу в ядерной войне какой-то разумной ценой. Схожая логика применима и к национализму, хотя государство может предположить, что сможет избежать дорогостоящей войны, разработав хитрую стратегию⁵⁷.

Тем не менее, лидеры стран осознают, что вероятнее всего война в эпоху национализма превратится в затянувшуюся кровавую бойню, если стратегия не достигнет своих целей. Перспектива такого ужасного исхода заставит политиков неохотно начинать войну, а это не исключает того, что иногда они будут готовы биться об заклад, что эта хитрая стратегия сработает как планировалось. Тем не менее, эта стратегия должна быть посвящена полной, а не ограниченной победе над противником. Проблема со стратегией ограниченной победы заключается в том, что жертва вряд ли примирится с поражением, пусть и ограниченным, и, следовательно, война скорее всего превратится в затянувшийся и разорительный конфликт.

Что неудивительно, существует масса свидетельств, что с начала XIX века, когда национализм впервые начал оказывать влияние на международную политику, войны между великими державами стали намного более редкими, но в то же время более беспощадными⁵⁸. Конечно, ограниченные войны были нормой до XIX века, вот почему они и были менее смертоносными, и, как я могу заметить, более частыми. Тем не менее, с той поры великие державы часто добивались окончательных побед друг над другом, что привело к росту стоимости войн, но снижению их вероятности.

Во-вторых, даже если одно государство завоёвывает другое, национализм усложняет победителю оккупацию побеждённого государства⁵⁹. Как убедились США во Вьетнаме, а недавно и в Афганистане и Ираке, национальные государства служат культу самоопределения. Это означает, что существенная часть населения оккупированной страны, вероятнее всего, восстанет против оккупационных сил и постарается изгнать их из страны. В таких случаях, оккупант всегда заканчивает тем, что погрязает в сражениях против повстанцев, которых обычно тяжело победить.

Ничто из вышесказанного не отрицает того факта, что оккупация может быть успешной при определённых условиях, как свидетельствует опыт Германии и Японии на заре холодной войны. А также могут быть такие войны, где победитель не оказался способен оккупировать побеждённую страну за хоть какое-то разумное время. Тем не менее, за победой в войне часто следует оккупация, и её успешное осуществление усложняется в эпоху национализма, что делает войну менее вероятной.

К сожалению, иногда национализм может сделать войну более вероятной⁶⁰. И действительно, он сыграл ключевую роль, приводя к многочисленным войнам на протяжении прошедших двух столетий. У этой проблемы есть два аспекта. Во-первых, нации, у которых нет своего государства, нации, испытывающие страх перед другой национальной группой, иногда готовы сражаться, чтобы заполучить своё. Этот фактор был главной движущей силой, стоящей за различными «деколониальными» войнами, разрушившими заморские владения европейских империй после Второй мировой войны. Кенийцы, например, не желали жить под британской властью; как не хотели и вьетнамцы жить под французской. Оба этих народа хотели иметь собственное государство, и для достижения этой цели были готовы вести войну. Тот же принцип применим к меньшинствам в многонациональных государствах, желающих получить собственное государство. Хорваты и косовары, к примеру, не хотели быть частью Югославии, и в 90-ых начали войну, чтобы обрести независимость. Чечня развязала войну с Россией, чтобы иметь собственное государство. За прошедшие два века появилось много подобных примеров.

Национализм может поспособствовать началу войны и другим способом. Государства иногда вступают в войну, чтобы получить территорию, на кото-

рой проживают их соотечественники, с целью создания национального объединения большего размера. Пьемонт, например, принял участие в войне 1859 года, в которой сражались и Австрия, и Франция, чтобы способствовать объединению Италии. И Бисмарк в 1866 году втянул Пруссию в войну против Австрии, а затем и Франции в 1870 году, чтобы создать объединённую Германию. Относительно недавно, как Хорватия, так и Сербия начали войну с Боснией в начале 90-ых, чтобы присоединить к своим странам территории Боснии, на которых проживали хорваты и сербы соответственно.

Эта дискуссия заостряет внимание на том, что уменьшение числа многонациональных государств и увеличение числа мононациональных государств увеличивает шансы на мирный исход. И действительно, сегодня в Европе спокойно, отчасти из-за того, что многие государства Восточной Европы в настоящий момент являются более однородными, чем в девятнадцатом столетии или начале двадцатого. Иштван Деак (Istvan Deak) затронул самую суть этого, когда написал: «Это может быть жестоко, но перемена этнической мозаики в Восточной Европе в двадцатом веке может являться ключом к лучшим отношениям между государствами Восточной Европы. Хотя они достались ценой невероятной жестокости и страданий, эти изменения резко уменьшили количество этнических меньшинств и, следовательно, число потенциальных конфликтов»⁶¹. Тем не менее, многие страны, когда-то бывшие частью Советского Союза, населены смешанными нациями и, таким образом, являются источником потенциальных проблем⁶².

Конечно, всё ещё остаётся много наций, у которых нет своего государства, и некоторые страны, у которых есть диаспоры в соседних государствах. В этом отношении Африка является потенциально опасным регионом, и текущий конфликт с Суданом ясно об этом говорит. Недавняя статья в *The New York Times* лаконично характеризует проблему: «Африка сокрушена сепаратистами... они направляют свою ярость против слабых государств, пытающихся удержать разрозненное население внутри границ, начертанных белыми колонизаторами в 19 веке»⁶³. Следовательно, в предсказуемом будущем, национализм, скорее всего, останется важным поводом для войны. Тем не менее, национализм в то же время влияет на природу войны и противоположным образом и превращает её в примиряющую силу.

Уравновешивание, переход на сторону сильного и распространение идей

В литературе о международных отношениях ведётся интенсивная дискуссия о том, должны ли государства объединяться против или переходить на сторону сильных противников. При уравновешении, государства, находящиеся в угрожающем положении должны выбрать вариант сдерживания своего противника. При переходе на сторону неприятеля, государство, находящееся под угрозой, оставляет всякую надежду своими силами помешать

агрессору нарастить мощь, и вместо этого объединяет усилия с опасным врагом, возможно, надеясь заполучить хотя бы малую долю военных трофеев. Когда угрожает противник, придётся выбирать одну из этих двух абсолютно разных стратегий.

Эта же дискуссия является неотъемлемой частью некоторых важных политических дебатов. Например, вызывающая много вопросов «теория домино», популярная в США в первой половине холодной войны, основывалась на предположении, что государства склонны к переходу на сторону сильного⁶⁴. В частности, защитники этой теории утверждали, что если государство в каком-то определённом регионе станет коммунистическим по причине того, что США не удастся защитить его, то другие государства в этом регионе без промедления и без труда установят коммунистический режим, и вскоре под влиянием Москвы будет находиться весь регион. Затем коммунизм распространится в другие регионы, и в конечном итоге Советский Союз будет властвовать над всем миром.

Ожидалось, что переход на сторону более сильного противника (свидетельствующий в пользу теории домино) будет последствием резких сдвигов в трёх разных «балансах». Во-первых, баланс между супердержавами сместится не в пользу Соединённых Штатов, так как победа Советского Союза придаст ему смелости, в то время, как в стане руководителей США будут царить пораженческие настроения. Во-вторых, баланс доверия сдвинется против США, потому что весь мир будет относиться к ним, как к ненадёжным неудачникам; союзники покинут дядю Сэма, чтобы примкнуть к СССР, который будет по праву считаться надёжным союзником, ведь он смог одержать победу, когда это потребовалось. В-третьих, баланс сил сместится против Соединённых Штатов, ведь они потеряют союзников, которые перейдут на сторону СССР. Теория домино строилась не только на логике перехода на сторону соперника; она также основывалась на вере в то, что коммунистическая идеология будет относительно легко распространяться по земному шару. Марксизм всё же является универсальной политической теорией, что должно сделать его привлекательным для людей по всему миру. В то время, как переход на сторону противника зависит от применения силы, необходимой для распространения коммунизма, распространение идей основывается на попытке достичь той же цели. Неудивительно, что некоторые из «ранних» большевиков считали, что будет относительно несложно разжечь костёр революции, которая приведёт к коммунизму практически в каждой стране. Например, Ленин за месяц до русской революции говорил: «Мы на пороге мировой революции». Эта вера в распространение идей нашла своё отражение в известном высказывании Льва Троцкого, народного комиссара РСФСР по иностранным делам, сделанном в 1917 году: «дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку»⁶⁵.

Доктрина Буша также основывалась на логике теории домино. В кон-

це Холодной войны, многие американцы считали, что в либеральная демократия восторжествовала над фашизмом в первой половине двадцатого столетия и над коммунизмом во второй половине, и что либеральная демократия, если цитировать Фрэнсиса Фукуяму (Francis Fukuyama), является «окончательной формой правления»⁶⁶. Более того, всеобщее одобрение либеральной демократии поможет ей без особого труда распространиться по миру. Их доводом являлось то, что люди всех сортов и видов хотят жить в обществе такого типа, но жестокие диктаторы иногда стоят у них на пути. Администрация Буша и их союзники-неоконсерваторы считали, что Соединённые Штаты могут ускорить распространение либеральной демократии на Ближнем Востоке, используя американские войска для свержения таких диктаторов как Саддам Хусейн. Нужно будет одержать не более двух или трёх побед в таких местах как Ирак, до того, как эффект присоединения к победителю начнёт проявляться, и оставшиеся в регионе диктаторы сдадутся Соединённым Штатам вместо того, чтобы сражаться в заведомо проигрышной войне, в которой их могут в придачу убить.

Конечно же, костяшки домино не упали в Азии, после того, как Соединённые Штаты проиграли коммунистическому Северному Вьетнаму, которому помогал Китай и Советский Союз, два здоровяка коммунистического мира того времени. Более того, вскоре после своего объединения Вьетнам уже вёл войны с коммунистической Камбоджой и с коммунистическим Китаем. Более того, Китай и Советский Союз были непримиримыми соперниками в период, когда они оказывали поддержку Северному Вьетнаму в войне с Соединёнными Штатами. Доктрина Буша тоже не работала по намеченному плану, в основном потому, что Соединённые Штаты обнаружили, что погрязли в иракской трясине, в то время, как другие страны этого региона, включая основных союзников, таких, как Саудовская Аравия, расценивают американскую политику распространения либеральной демократии на стволах винтовок не как отрадное событие, но как угрозу.

Реалисты не удивились тому, что теория «домино» доказала свою иллюзорность, или тому, что доктрина Буша потерпела полное поражение в Ираке. В конечном итоге, эти последствия подчиняются логике национализма и реализма⁶⁷. В частности, реалисты считают, что государства, испытывающие угрозу, редко переходят на сторону своих врагов; они объединяются против них, или полагаются на другие государства, чтобы те изменили баланс за них⁶⁸. Вопреки теории домино, не следовало ожидать, что Соединённые Штаты позволят сместить баланс решимости, доверия и власти против себя, после своего проигрыша во Вьетнаме. Вместо этого, следовало ожидать, что Соединённые Штаты продолжат свои попытки сдерживать Советский Союз и его союзников по всему миру, что и произошло. Также не следовало ожидать, что другие государства в Азии или где-либо ещё присоединятся к Советскому Союзу, и станут подчиняться приказам из Москвы.

С национализмом или без, государства балансируют против угроз, так как они заботятся о своём собственном выживании. Однако, присутствие национализма усиливает необходимость в балансировании, так как под угрозой находится не только выживание государства, но и выживание нации.

Возвратимся к влиянию другой движущей силы теории домино; реалисты не ждут, что политика, основанная на универсальных теориях, таких как марксизм и реализм, будет работать как обещано. Реалисты придают особое значение тому факту, что частные интересы государств практически всегда доминируют над транснациональными идеологиями и ограничивают их эффективность. Неудивительно, что другая частная теория — национализм — служит в этом отношении опорой реализму. Люди в одном национальном государстве могут симпатизировать идеологии, пропагандируемой другим государством, но в конечном итоге они больше заботятся о самоопределении. Следовательно, они склонны беспокоиться о том, что другие государства пытаются навязать им свой образ мышления, и потому они прилагают усилия, чтобы защитить себя от иностранной интервенции.

Словом, национализм усиливает склонность государств сдвигать баланс против своих противников, а не переходить на их сторону, в то время, как национализм и реализм совместно являются мощными антидотами против идеологического воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом исследовании была предпринята попытка изучить связь между национализмом и реализмом, двумя наиболее хорошо известными теоретическими разделами политических наук, с которыми обычно обращаются так, будто они совсем не связаны друг с другом. Я собрал массу фактов в пользу того, что у них одни и те же фундаментальные предположения, касающиеся политической жизни, разительно отличающиеся от предположений, обосновывающих такие универсальные теории, как либерализм и марксизм. Более того, я утверждаю, что в реальном мире национализм и силовая политика взаимодействуют друг с другом множеством способов, сыгравших важную роль в создании современного государственного строя. Наконец, я поставился показать, что национализм оказывает значительное воздействие на аспекты мировой политики, интересующие специалистов по реализму.

Список литературы

- [1] E.H. Carr, *Nationalism and After* (New York: Macmillan, 1945); Barry R. Posen, "Nationalism, the Mass Army, and Military Power," *International Security*, Vol. 18, No. 2, (Fall 1993), pp. 80-124; Barry R. Posen, "The Security Dilemma and Ethnic Conflict" *Survival*, Vol. 35, No. 1 (Spring 1993), pp. 27-47; Jack L. Snyder, *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict* (New York: Norton, 2000); Jack Snyder, "Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State," *Survival*, Vol. 35, No. 1 (Spring 1993), pp. 5-26; Stephen Van Evera, "Hypotheses on Nationalism and War," *International Security*, Vol. 18, No. 4 (Spring 1994), pp. 5-39
- [2] Robert A. Pape, *Dying to Win: The Logic of Suicide Terrorism* (New York: Random House, 2006).
- [3] Fredrik Logevall, "First Among Critics: Walter Lippmann and the Vietnam War," *The Journal of American-East Asian Relations*, Vol. 4, No. 4 (Winter 1995), pp. 351- 76; Jennifer W. See, "A Prophet Without Honor: Hans Morgenthau and the War in Vietnam, 1955-1965," *Pacific Historical Review*, Vol. 70, No. 3 (August 2001), pp. 419-47.
- [4] Kenneth N. Waltz, *Theory of International Politics* (Reading MA: Addison-Wesley, 1979), chapter 5.
- [5] Carl von Clausewitz, *On War*, trans. and ed. Michael Howard and Peter Paret (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976), pp. 88, 605-610.
- [6] Hans Morgenthau, *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, 5th ed. (New York, Knopf, 1973), chapter 3.
- [7] Robert B. Strassler, ed., *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War* (New York: Simon and Schuster, 1998).
- [8] Markus Fischer, "Feudal Europe, 800-1300: Communal Discourse and Conflictual Practices," *International Organization*, Vol. 46, No. 2 (Spring 1992), pp. 427-66.
- [9] Thomas Hobbes, *Leviathan*, ed. C.B. Macpherson (Harmondsworth, UK: Penguin, 1986).
- [10] Ernest Renan, "What Is a Nation?" in Shlomo Sand, ed., *On the Nation and the "Jewish People"*, trans. David Fernbach (London: Verso, 2010), p 63.
- [11] Цитируется в Anatol Lieven, *America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism* (New York: Oxford University Press, 2004), p. 34.

-
- [12] Van Evera, “Hypotheses on Nationalism and War,” p. 27.
- [13] Renan, “What Is a Nation?” p. 45.
- [14] David A. Bell, *The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680-1800* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001); William H. Sewell, Jr., “The French Revolution and the Emergence of the Nation Form,” in Michael A. Morrison and Melinda Zook, eds., *Revolutionary Currents: Nation Building in the Transatlantic World* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2004), pp. 91-125.
- [15] Цитируется в Robert Jackson, *Sovereignty: Evolution of an Idea* (Cambridge, UK: Polity, 2007), p. 78.
- [16] Geoffrey Best, *War and Society in Revolutionary Europe, 1770-1870* (London: Fontana Paperbacks, 1982), p. 30.
- [17] Со временем либерализм претерпел своего рода изменения. Ранние теоретики либерализма были склонны уделять особое внимание разногласиям по фундаментальным вопросам, и это могло приводить к появлению необходимости найти способы урегулирования конфликтов, которые могли возникать из-за этих разногласий. Эта точка зрения в конечном счете уступила место новой форме либерализма, предполагавшей, что между большинством людей есть лишь небольшие разногласия по вопросу о том, что представляет собой хорошая жизнь и, следовательно, что универсальные ценности возможно постичь. «Либерализм, — как отмечает Джон Грей (John Gray), — всегда был двуликим. С одной стороны, терпимость является стремлением к идеальной жизненной форме. С другой стороны, это стремление к миру, среди множества различных форм жизни». John Gray, *Two Faces of Liberalism* (New York: New Press, 2000), p. 2. Внимание здесь уделяется одной из наиболее современных форм либерализма, с её универсалистским подходом. Тем не менее, ранняя форма либерализма была партикулярной по своей сути, и, следовательно, сильнее отождествлялась с национализмом и реализмом. См. Deborah Boucoyannis, “The International Wanderings of a Liberal Idea, or Why Liberals can Learn to Stop Worrying and Love the Balance of Power,” *Perspectives on Politics*, Vol. 5, No. 4 (December 2007), pp. 703-27.
- [18] G. John Ikenberry, “Liberal Internationalism 3.0: America and the Dilemmas of Liberal World Order,” *Perspectives on Politics*, Vol. 7, No. 1 (March 2009), p. 75.
- [19] Цитируется в Ikenberry, “Liberal Internationalism 3.0,” p. 75.

-
- [20] Цитируется в Duncan Bell and Casper Sylvest, "International Society in Victorian Political Thought: T.H. Green, Herbert Spencer, and Henry Sidgwick," *Modern International History*, Vol. 3, No. 2 (August 2006), pp. 207-208.
- [21] См., например, Seyla Benhabib, "Claiming Rights across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty," *American Political Science Review*, Vol. 103, No. 4 (November 2009), pp. 691-704.
- [22] John Rawls, *The Law of Peoples* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002), p. 8.
- [23] Ikenberry, "Liberal Internationalism 3.0," p. 72
- [24] John Gray, *Black Mass: Apocalyptic Religion and the Death of Utopia* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007), p. 30.
- [25] V.I. Lenin, *The State and Revolution* (Beijing: Foreign Languages Press, 1970), p. 108. См. также Friedrich Engels, *Anti-Duhring: Herr Eugen Duhring's Revolution in Science* (Moscow: Progress Publishers, 1969).
- [26] Некоторые учёные утверждают, что гражданский национализм является влиятельной силой в мировой политике, особенно в Восточной Европе. Они сравнивают его с культурным и этническим национализмом, который, как заявляют, преобладает в Восточной Европе. Гражданский национализм, по своей сути является либеральным национализмом. Он основан на убеждении, что идентичность людей может быть определена лишь либеральными догмами; национализм, согласно утверждению, не нуждается в культурном или этническом аспектах. По существу, при соответствующих обстоятельствах либерализм и национализм могут быть аккуратно совмещены, что уничтожит любые серьёзные противоречия между ними. Этот довод, тем не менее, не выдержит тщательного исследования. Ни одно национальное государство не является гражданским государством в чистом виде; все они в своей основе имеют культурное ядро. См. Gregory Jusdanis, *The Necessary Nation* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001), chapter 5; Taras Kuzio, "The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism," *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 25, No. 1 (January 2002), pp. 20-39; Anthony W. Marx, *Faith in Nation: Exclusionary Origins of Nationalism* (New York: Oxford University Press, 2003), pp. 113-17; Rogers M. Smith, *Civic Ideals: Conflicting Visions of Citizenship in U.S. History* (New Haven, CT: Yale University Press, 1997); Ken Wolf, "Hans Kohn's Liberal Nationalism: The Historian as Prophet," *Journal of the History of Ideas*, Vol. 37, No. 4 (Oct.-Dec. 1976), pp. 651-672.

-
- [27] Charles Tilly, *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992* (Cambridge, MA: Blackwell, 1992), p. 32.
- [28] Большая часть национальных государств, это следует подчеркнуть, состоят более чем из одной нации.
- [29] David Armitage, “The Contagion of Sovereignty: Declarations of Independence since 1776,” *South African Historical Journal*, Vol. 52, No. 1 (2005), p. 1.
- [30] *Tilly, Coercion, Capital, and European States*. См. также Otto Hintze, “The Formation of States and Constitutional Development: A Study in History and Politics,” and “Military Organization and the Organization of the State,” in Felix Gilbert, ed., *The Historical Essays of Otto Hintze* (New York: Oxford University Press, 1975), pp. 157- 215.
- [31] Niccolo Machiavelli, *The Prince*, 2nd ed., trans. Harvey C. Mansfield (Chicago: University of Chicago Press, 1998), pp. 53, 84, 105.
- [32] Особо см. Machiavelli, *The Prince*, p. 102. Для более общей информации см., pp. 101-105.
- [33] См. анализ военной мощи и военных кампаний Франции в период 1792-1815 гг. John J. Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics* (New York: Norton, 2001), pp. 272-288.
- [34] Posen, “Nationalism, the Mass Army, and Military Power,” pp. 89-99. См. также Peter Paret, *Yorck & the Era of Prussian Reform, 1807-1815* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966); Peter Paret, *Clausewitz and the State* (New York: Oxford University Press, 1976).
- [35] Robert Jackson, *Sovereignty: Evolution of an Idea* (Cambridge, UK: Polity Press, 2010), chapters 3-4.
- [36] Yael Tamir, *Liberal Nationalism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993), p. xiv.
- [37] Tamir, *Liberal Nationalism*, p. 74.
- [38] Eugen Weber, *Peasants into Frenchmen* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1976).
- [39] Ernest Gellner, *Nations and Nationalism* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983), p. 34.
- [40] Posen, “Nationalism, the Mass Army, and Military Power,” p. 85.

-
- [41] Потому как благосостояние является основой военной мощи, стоит отметить, что любые попытки способствовать развитию государственной экономики приводят к серьезным последствиям в сфере национальной безопасности. Это означает что экономическая и военная мощь неразрывно связаны друг с другом.
- [42] Walker Connor, "Nation-Building or Nation-Destroying?" *World Politics*, Vol. 24, No. 3 (April 1972), pp. 319-55.
- [43] Benjamin A. Valentino, *Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the 20th Century* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004), pp. 157-166.
- [44] Partha Chatterjee, *The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993).
- [45] Цитируется в J.F.C. Fuller, *Conduct of War: 1789-1961* (London: Eyre and Spottiswoode, 1961), p. 46. Also see Peter Paret, "Nationalism and the Sense of Military Obligation," in Peter Paret, *Understanding War: Essays on Clausewitz and the History of Military Power* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993), pp. 39-52.
- [46] Clausewitz, *On War*, p. 592.
- [47] Benny Morris, *Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881-1999* (New York: Knopf, 1999), p. 192.
- [48] Benny Morris, *1948 and After: Israel and the Palestinians*, rev. and expanded ed. (New York: Cambridge University Press, 2003), p. 14.
- [49] Morris, *1948 and After*, pp. 13-16.
- [50] Keren Fraiman, "The Effects of Nationalism on the Military Balance in the Middle East in 1948," BA Paper, University of Chicago, April 24, 2002, pp. 11-13.
- [51] Fraiman, "Effects of Nationalism on the Military Balance," p. 41; Morris, *Righteous Victims*, p. 193.
- [52] Rashid Khalidi, "The Palestinians and 1948: The Underlying Causes of Failure," in Eugene L. Rogan and Avi Shlaim, eds., *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948* (New York: Cambridge University Press, 2001), p. 29. См. также pp. 18-20, 30- 31.
- [53] Morris, *Righteous Victims*, p. 192. См. также p. 193.
- [54] Clausewitz, *On War*, pp. 580, 584.

-
- [55] Clausewitz, *On War*, p. 88.
- [56] Clausewitz, *On War*, p. 89.
- [57] John J. Mearsheimer, *Conventional Deterrence* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983).
- [58] Lars-Erik Cederman, T. Camber Warren, и Didier Sornette, “Testing Clausewitz: Nationalism, Mass Mobilization, and the Severity of War,” выходящую в *International Organization*; Michael Clodfelter, *Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1618-1991*, 2 vols. (Jefferson, N.C.: McFarland, 1992); Kalevi J. Holsti, *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989* (New York: Cambridge University Press, 1991); Jack S. Levy, *War in the Modern Great Power System, 1495-1975* (Lexington, KY: University Press of Kentucky, 1983); Quincy Wright, *A Study of War*, abridged ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1964); Mark W. Zacher, “The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force,” *International Organization*, Vol. 55, No. 2 (Spring 2001), pp. 215–50.
- [59] О проблемах оккупации см. David M. Edelstein, *Occupational Hazards: Success and Failure in Military Occupation* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008).
- [60] Замечательную дискуссию о том, как национализм может привести к войне, см. Van Evera, “Hypotheses on Nationalism and War.”
- [61] Istvan Deak, “The Rise and Triumph of the East European Nation-State,” *In Depth*, Vol. 2, No. 1 (Winter 1992), p. 92. См. также Benjamin Miller, *States, Nations, and the Great Powers: The Sources of Regional War and Peace* (New York: Cambridge University Press, 2007).
- [62] Stephen Van Evera, “Primed for Peace: Europe After the Cold War,” *International Security*, Vol. 15, No. 3 (1990/91), pp. 47-50.
- [63] Jeffrey Gettleman, “In Sudan, a Colonial Curse Comes Up for a Vote,” *New York Times*, January 8, 2001.
- [64] Robert Jervis and Jack Snyder, eds., *Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland* (New York: Oxford University Press, 1991); Jerome Slater, “Dominoes in Central America: Will They Fall? Does It Matter?” *International Security*, Vol. 12, No. 2 (Fall 1987), pp. 105-134.
- [65] Цитируется в Stephen M. Walt, *Revolution and War* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996), p. 129, 131.

-
- [66] Francis Fukuyama, "The End of History?" *The National Interest*, No. 16 (Summer 1989), p. 4.
- [67] Бенедикт Андерсон (Benedict Anderson) открывает свою классическую работу о национализме обсуждением различных столкновений между коммунистическими странами во времена холодной войны. После цитирования замечания Томаса Нейрна (Thomas Nairn): «Теория национализма демонстрирует величайшую историческую ошибку марксизма», Андерсон пишет: «Правильнее было бы сказать, что национализм оказался для марксистской теории неудобной *аномалией*». *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (London: Verso, 1983), pp. 11-13.
- [68] Stephen M. Walt, *The Origins of Alliances* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987).